

УДК 81
ББК 81

З.А. Заврумов

**КОГНИТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА:
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
И ИМПЛИКАЦИОНАЛ
ИРОНИИ**

В статье рассматривается интенциональность и импликационал иронии с позиций её продуцента и реципиента, что позволяет выявить и описать функции иронии. Автор постулирует наличие типов вербальной и ситуативной иронии, понимание которых основано на знании «сочетаемости» в пределах одного контекста событий, явлений, объектов, языковых единиц. Декодирование иронии представляет собой когнитивный механизм, реализация которого зависит от способности реципиента к интерпретации высказывания в координатах интенциональности продуцента.

Ключевые слова: *ирония, иронический дискурс, ироническая коммуникация, интенциональность, импликационал, художественный текст.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-79-86

Заврумов Заур Асланович – канд. филол. наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала Пятигорского государственного лингвистического университета
Тел.: +7-928-911-40-41
E-mail: k_mika@mail.ru

© Заврумов З.А., 2016.

Исследовательский интерес к когнитивно-прагматическому потенциалу текста как объекту культуры определяет актуальность концепций языковой и индивидуально-авторской картин мира, языковой и (или) литературной личности (см.: [Караулов; Тынянов]), которые закономерно обращены к параметрированию взаимоотношений автора и текста, продуцента и реципиента текста. Изучение художественного текста уже не ассоциируется лишь с лингвистикой текста: интегративные подходы современной науки о языке свидетельствуют о всё более углубляющемся понимании тех компонентов, которые обладают наибольшей значимостью в оформлении структуры текста и его многоплановом функционировании.

Смысловая неоднозначность художественного текста раскрывается через различные прагматические эффекты. Одну из приоритетных ролей в этом процессе играет ироническая интенциональность: как экспликация оценки и эмоции, ирония становится тем направлением, в котором развивается авторское освоение действительности, коррелирующее с его эстетической позицией и мировоззрением. Ирония по своей природе – некая интеллектуальная провокация (см.: [Кузнецова]), так как её имплицитивный характер сообщает коммуникации избирательность адресата. Общеизвестно, что ироническое высказывание содержит противоположные оценки (позитивную и негативную), выраженные, соответственно, эксплицитно и имплицитно. Ирония закономерно

но усиливает импликационал художественного текста, так как основана на несоответствии означающего означаемому. Престижность и до некоторой степени элитарность общения на уровне импликатур не вызывает сомнений: продуцент текста включает реципиента в коммуникацию, в которой имеются смысловые лакуны, тем самым стимулируя и, отчасти, направляя его интеллектуальную деятельность, что, несомненно, изначально предполагает наличие у реципиента определенного когнитивного и общекультурного потенциала.

Изучение интенциональности иронии может быть непротиворечиво соотнесено с четырьмя основными принципами, составляющими основу прагматической теории текста – «максимами Грайса» [Грайс]:

1) принцип качества (текст должен содержать только достоверную информацию);

2) принцип количества (объем информации, представленный в тексте, не должен превышать необходимого в данном контексте);

3) принцип относительности (любая информация, содержащаяся в тексте, должна оцениваться в контексте ситуации или в соотношении с другими текстами);

4) принцип способа изложения (упорядоченность и отсутствие двусмысленности).

Специфика художественного текста оценивается в этой связи как систематическое нарушение «максим Грайса» [Исследования по теории текста, с. 20 – 21].

Ирония в художественном тексте непротиворечиво описывается с позиций его реципиента: она успешно квалифицируется исключительно в параметрах интерпретации речевых действий продуцента. Такой вектор рассмотрения иронии позволяет выявлять различные функции иронии, которые детерминированы способами её интерпретации, избираемыми реципиентом художественного текста.

Двойственный характер восприятия иронии адресатом отражает в какой-то степени и её бинарную когнитивно-семантическую структуру: с таких позиций ирония оценивается либо как «катализатор» продуцирования дополнительного прагматического потенциала текста / дискурса, либо как коммуникативное неудобство, иногда приводящее к коммуникативной неудаче и возникновению барьеров общения. Противоречивость восприятия иронии, которое ощущается носителями лингвокультуры интуитивно, находит отражение в попытках описания дискурсивных функций иронии (см., например: [Hutcheon]). Л. Хатчеон предлагает классификацию, в которой все функции иронии описываются с позиций противоположных характеристик. Так, усиливающая (*reinforcing*) функция квалифицируется не только как точная и выразительная, но и как побочный эффект коммуникации, в силу чего эта функция имеет наименьший потенциал воздействия (*minimal affective charge*). Прагматический критерий позволяет шкалировать другие функции иронии, располагая их по мере усиления интенциональности иронии: усложняющая (*complicating*), развлекательная (*ludic*), дистан-

цирующая (distancing), функция самозащиты (self-protecting), раскрывающая суть объекта иронии (provisional), оппозиционная (oppositional), атакующая (assailing). Собираетельная функция (aggregative) имеет наибольшую интенциональность, которая оценивается как позитивная (в плане создания общности способных понять такую иронию) либо как негативная (внешний наблюдатель оценивает такую замкнутую группу как «элитарную», а её цель – как исключение «чужих»). Таксономия функций иронии Линды Хатчеон наглядно демонстрирует, что ирония имеет оценочную природу, однако принятие за точку отсчета лишь позиции реципиента не позволяет в полной мере выявить степень совпадения интенций продуцента и интерпретаций иронии реципиентом. Критерий наличия взаимодействующих сторон в координатах иронического дискурса позволяет унифицировать функции иронии, сведя их до двух: установление иерархических отношений авторитетности между коммуникантами (продуцентом, реципиентом и объектом иронии) и развлечение адресата, при этом первая обязательна, вторая факультативна.

Очевидно наличие двух типов иронии – вербальной и ситуативной, при этом понимание реципиентом обоих типов основано на знании «сочетаемости» в пределах одного контекста событий, явлений, объектов, языковых единиц как когнитивного механизма, способствующего декодированию иронии. Негативное отношение к объекту иронии реализуется в иронической коммуникации посредством имплицитной критики, которая повышает авторитет её продуцента. Ирония может быть распознана только в случае, когда реципиент способен интерпретировать высказывание в соответствии с интенцией продуцента иронического высказывания; кроме того, важными при анализе иронической коммуникации становятся также пресуппозиции и имплицитурь: «Пресуппозиционный анализ позволяет построить на основе высказывания говорящего гипотезу о его знаниях; учение об условиях успешности речевых актов позволяет извлечь из факта речевого действия гипотезы о разных сторонах психики говорящего – мнениях, эмоциях, воле и др. Учение о структуре диалога позволяет делать предположения о внутреннем мире коммуникантов, когда наблюдаются нарушения норм развертывания диалога. Средством проникновения во внутренний мир говорящего являются и имплицитурь дискурса – выводы, которые делаются из слов говорящего в предположении о соблюдении им принципов коммуникативного сотрудничества» [Кобозева, <http>].

Продуцент иронии реализует интенцию в координатах намеренного нарушения принципов рациональности и кооперации общения. Отступление от нормативных способов и стандартов коммуникации составляет ядро иронического текста / дискурса, при этом реципиент также должен владеть ироническим кодом для осуществления интерпретации: «... установление явных и скрытых намерений отличает интерпретацию от остальных видов обращения со знаками. В этом смысле всякая интерпретация – интенциональный процесс» [Демьянков, с. 114].

Двойственный характер семантического пространства вербальной иронии манифестирован в процессе актуализации знаний о ситуациях, сопоставляемых в ироническом высказывании. Так, например, ирония реализуется в художественном тексте как последовательное уточнение характеристик героя, способствуя целостному оформлению иронических высказываний: «Он продавал дома, квартиры, земельные участки. Дела у него шли замечательно. Он был прирожденным торговым агентом. Представителем *чужих интересов*. То есть *человеком без индивидуальности*» [Довлатов, с. 203]. Реципиент иронии должен уметь обнаруживать несовместимые элементы, которые проявляются на различных уровнях художественного текста: «Разрешите у вас неделю *жить* и хотя бы *мимоходом питаться*» [Там же, с. 57].

Одним из обязательных условий реализации иронии в художественном тексте следует считать игровое поведение продуцента, нацеленное на распознавание реципиентом этой игры и установление несоответствия игры реальному положению дел: «К отставному полковнику Берендееву заявился дальний родственник Митя Чирков, выпускник сельскохозяйственного техникума.

– Дядя, – сказал он, – помогите! Окажите материальное содействие в качестве двенадцати рублей! Иначе, боюсь, *пойду неверной дорогой!*» [Довлатов, с. 57]; а также: «– Дядя, – возвысил голос захолустный родственник, – не причиняйте мне упадок слез! Я сутки не ел. Между прочим, от голода я совершенно теряю рассудок. А главное – сразу *иду по неверной дороге*» [Там же, с. 58].

Ироническая коммуникация невозможна и без деонтической оценки, которая с необходимостью должна быть манифестирована в тексте / дискурсе: «Деонтическая оценка представляет собой квалификацию чего-либо с позиции противопоставления данного и должного. Этот тип оценки является одним из базовых аксиологических модусов наряду с гедонистической эстетической и утилитарной разновидностями оценки» [Карасик, с. 139].

Производность деонтической оценки от оценки аксиологической детерминирует отсутствие строгих границ между ними, так как отношение продуцента к определенному фрагменту мира в них обоих очевидно. Языковая личность вообще всегда осуществляет взаимодействие с миром, в том числе, и посредством манифестирования как негативной, так и позитивной оценки, что постулирует невозможность нейтрального использования языка. Дж. Томпсон и С. Ханстон указывают, что оценка в дискурсе реализует три важных прагматических функции: говорящий выражает с помощью оценки собственное мнение и мнение социальной группы, к которой принадлежит; оценка является способом создания и поддержания взаимоотношений между коммуникантами; оценка выступает одним из средств организации дискурса в целом [Thompson, [http](http://)].

Следовательно, деонтическая оценка обеспечивает, наряду с другими видами оценки, существование личности в обществе: каждая новая ситуация оценивается в координатах ожиданий индивида и систе-

мы норм и ценностей, оформившейся в данном социуме. Деонтическая оценка важна также и для общества в целом: знания о должном составляют фундамент аксиологической системы.

Деонтическая оценка в иронии всегда имплицитна, что позволяет отличать иронию от других смежных с ней видов игрового использования языка (собственно языковой игры, юмора, сарказма, комизма в целом). Продукт должен так реализовать импликационал высказывания, чтобы оно было воспринято именно как ироническое. Нарушение логики референтности высказывания детерминировано противоречием между буквальным смыслом и имплицитным фоном:

«– В Ханты-Мансийске свободно продается Кафка! – издали закричал он.

– Чудесно, – сказал я и, не оглядываясь, поспешил дальше.

– Ты куда? – обиженно спросил геолог.

– *В Ханты-Мансийск, – говорю. Через минуту я был дома*» [Довлатов, с. 39].

Имплицитность отрицательной оценки в ироническом высказывании облигаторна: «Хорошо известен нормативный уклон в использовании иронии. Чаще всего ирония используется для указания на ситуации, события или действия, которые не соответствуют ожиданиям, основанным на существующих нормах. Основная цель иронии – критиковать или жаловаться» [Wilson, p. 128]. Наиболее простым случаем выражения оценки по шкале «данное – должное» является ирония «от противного». Такие высказывания эксплицируют положительную оценку явления при её несоответствии тому, как представляет себе сущность феномена (как «должно быть») сам продукт: «Они молчали, хоть и не чувствовали явной вражды. Даже радовались любому микроскопическому поведению к общению» [Довлатов, с. 170]. При отсутствии специально маркированных языковых средств в данном фрагменте и представленности только нейтральной лексики ироническая коммуникация может считаться реализованной при наличии определенных фоновых знаний реципиента иронического текста.

Взаимосвязь компонентов иронического дискурса имеет сложный многоуровневый характер: языковая маркированность нарушения логики сочетаемости, игрового поведения продуцента, деонтической оценки могут отсутствовать, в иронической коммуникации какой-либо из компонентов может быть представлен имплицитно. Возможность декодирования иронии осуществляется в таком случае на основе фоновых знаний реципиента, в том числе и ситуации, о которой ироническое высказывание сообщает. Например: «Наступила оттепель. В доме известного художника Гаспаряна собирались молодые люди. В основном поэты. Здесь их *подкармливали*, а главное – терпеливо *выслушивали*» [Довлатов, с. 219]. Первое предложение приведенного фрагмента содержит указание на хронологические рамки происходящего в тексте, тем самым, привлекая фоновые знания реципиента: так возникает ироническое переосмысление увлечения тогдашней интеллигенции поэзией и бардов-

ской песней (*в основном поэты*) в условиях отсутствия материального благополучия (*подкармливали*) и возможности публикации и достижения известности (*выслушивали*). Когнитивные механизмы продуцирования иронии основываются на наличии у коммуникантов знаний о мире и о норме как таковой. Представляя ситуации в необычном ключе, иронические высказывания и художественные тексты в целом реализуют противоречия, соотносимые с такой когнитивной базой норм.

Так, ирония реализуется посредством противопоставления семантики высказываний: «Сейчас же на южной трибуне раздался звук пощечины. Как выяснилось, это были скромные аплодисменты» [Довлатов, с. 54], а также в пределах одного высказывания: «Борцы *пожали друг другу руки и начали возиться*» [Там же]. Сюжетная ситуация воспринимается как трагикомическая за счет импликатур данного фрагмента: «Каждый из них весил центнер. Каждому было за сорок. Оба ходили вразвалку, а борьбу ненавидели с детства. Борцы трогали друг друга, хлопали по шее, кашляли и отдыхали, сомкнув животы» [Там же].

Ирония достигает кульминации в следующем контексте: «– Пассивная борьба! – выкрикнул информатор. – Спортсменам делается замечание! Однако Дысин и Гарбузенко не реагировали. Они стали бороться еще деликатнее. *Оба знали свое дело. Оба помнили бывшие схватки*» [Довлатов, с. 54]. Разумеется, ситуация соревнования не предполагает «деликатности», однако спортсмены как «профессионалы» не хотят омрачить закат своей карьеры травмами и их различными нежелательными последствиями, что подвергнуто в рассматриваемом фрагменте ироническому переосмыслению.

Ирония – универсальный когнитивный и эстетический принцип; она нейтрализует условные границы между критическим и поэтическим и тем самым дает надежду на обретение утраченной универсальности человеческого существования. Модус иронии возможно определить как редуцированный смех: как системный феномен, именно ему принадлежит приоритетная роль при организации метатекста в ироническом тексте. Двунаправленная природа модуса иронии обусловлена совмещением в одном текстовом сегменте эксплицитого и имплицитного планов высказывания, вступающих в контрастные отношения.

Импликационал художественного текста представляет собой систему скрытых смыслов, но, в отличие от языковой импликации, в пределах семантического пространства текста характеризуется концептуальной и функциональной целостностью. Имплицитная информация репрезентирована в тексте и метатексте, причем её комплексный характер актуализирует апеллирование к подтексту. Основным его показателем становится «приращение смысла» как результат взаимодействия семантики разноуровневых единиц текста, манифестированный на уровне сверхфразовых единств. Очевидно, что рецепция имплицитной информации, в том числе раскрытие иронического подтекста, происходит в координатах контекста как необходимого минимального маркера семантического пространства определенного имплицитного элемента текста.

Иронический смысл представляет собой результат функционирования ситуативной импликатуры. Рецептивно-интерпретативная деятельность, направленная на декодирование иронического акта, объективирует специфику иронии как прагматического феномена, который всегда характеризуется имплицитной оценочностью.

Многоуровневый характер феномена иронии обуславливает поливариативность его интерпретирования, однако, в целом она является особым когнитивным механизмом, который способен отразить специфику мировоззрения продуцента художественного текста. Аксиология высказывания, лежащая в основе иронии, даёт основания рассматривать её в качестве когнитивного фундамента интенциональности и импликационала художественного текста, различным образом реализующихся в разных регистровых сферах: авторской, персонажной, рецептивной и рефлексивно-интерпретативной.

Литература и источники

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / сост. А.Ю. Арьев. СПб.: «Азбука», 2000. Исследования по теории текста: реф. сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1979.

Карасик В.И. Деонтическая оценка в поэтическом тексте // Язык, коммуникация, социальная среда: вып.10. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Кобозева И.М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога // Исследования по искусственному интеллекту [Электронный ресурс]. Тарту, 1990. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kobozeva-90.htm> (дата обращения: 12.03.2016).

Кузнецова Анна В. Лингвокогнитивный потенциал художественного текста: ирония как интеллектуальная провокация // Русский язык в Армении. Ереван, 2013. № 6 (83).

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. М.: Наука, 1977.

Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. New York: Routledge, 1995.

Thomson J. Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (дата обращения: 12.03.2016).

Wilson D. Meaning and Relevance. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

References

Grais G.P. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Вып. 16. Lingvisticheskaya pragmatika. M.: Progress, 1985. S. 196-216.

Dem'yankov V.Z. Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modelirovaniya na EVM. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. 172 s.

Dovlatov, S. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. I / Sost. A.Yu. Ar'ev. SPb.: «Azбука», 2000. 400 s.

Issledovaniya po teorii teksta. Ref. sb. M.: INION AN SSSR, 1979. 232 s.

Karasik V.I. Deonticheskaya otsenka v poeticheskom tekste // Yazyk, kommunikatsiya, sotsial'naya sreda. Vyp.10. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2012. S. 139-161.

Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. 340 s.

Kobozeva I.M. Rekonstruktsiya vnutrennego mira kommunikantov po dannym dialoga // Issledovaniya po iskusstvennomu intellektu [Elektronnyi resurs]. Tartu, 1990. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kobozeva-90.htm> (data obrashcheniya: 12.03.2016).

Kuznetsova Anna V. Lingvokognitivnyi potentsial khudozhestvennogo teksta: ironiya kak intellektual'naya provokatsiya // Russkii yazyk v Armenii. Erevan, 2013. № 6 (83). S. 25-35.

Tynyanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. M.: Nauka, 1977. 575 s.

Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. New York: Routledge, 1995. 248 p.

Thomson J. Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (data obrashcheniya: 12.03.2016).

Wilson D. Meaning and Relevance. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 400 p.

Zavrumov Z.A. (Pyatigorsk, Russian Federation)

Cognitive and pragmatic potential of the fiction text: intentionality and implication of irony

The article examines the intentionality and implication of irony from the perspective of its producer and recipient, which allows to identify and describe the functions of irony. The author postulates the existence of verbal and situational types of irony, the understanding of which is based on the knowledge of “compatibility” within the same context of the events, phenomena, objects of linguistic units. Decoding of irony is a cognitive mechanism, the implementation of which depends on the ability of the recipient to interpret the statements in the coordinates of the intentionality of the producer. The ironic meaning is the result of functioning of situational implicature. Receptive-interpretative activity aimed at decoding the ironic act that objectifies the specifics of irony as a pragmatic phenomenon which is always characterized by implicit evaluation. The multilevel nature of the phenomenon of irony makes polivariety of its interpretation. Axiology statements, the underlying irony give grounds to consider it as the cognitive foundation of intentionality and implicational literary text, variously realized in different register fields: author, character, receptive and reflexive-interpretative.

Key words: *irony, ironic discourse, ironic communication, intentionality, implicational, literary text.*

Zavrumov Zaur Aslanovich – candidate of philology, professor assistant, rector deputy on scientific work and development of university intellectual potential. Pyatigorsk State Linguistic University. Phone: +7-928-911-40-41, e-mail: k_mika@mail.ru